

**Материалы отечественной войны 1812 года в собрании
музея Копорского полка**

В последней четверти XIX — начале XX вв. в России получили распространение музеи отдельных воинских частей — полков и бригад. Их появление было связано с проводившимися в 1860-е — 1870-е гг. реформами в армии, в процессе которых большее значение стало придаваться религиозно-нравственному воспитанию личного состава, улучшению системы образования офицерских кадров, изучению военно-исторического опыта¹.

Подобные музеи существовали и в расквартированных в конце XIX — начале XX вв. в Смоленской губернии полках 1-й пехотной дивизии 13-го армейского корпуса — 1-м пехотном Невском, 2-м пехотном Софийском, 3-м пехотном Нарвском и 4-м пехотном Копорском. В этих музеях получили предметное отражение многолетняя история полков и их боевые традиции. К сожалению, отсутствие источников не позволяет установить, что именно находилось в музеях первых трех полков — Невского, Софийского и Нарвского. Сохранившиеся сведения дают возможность для анализа лишь материалов музея Копорского полка.

Этот полк был основан высочайшим повелением от 16 мая 1803 г. как мушкетерский. Свое название он получил в честь города Копорье (ныне село Ломоносовского района Ленинградской области). Его боевой путь включал участие в войне с Францией 1805-1807 гг., Отечественной войне 1812 г. и последующих боевых действиях за рубежом, русско-турецких войнах 1828-1829 и 1877-1878 гг. С 1868 г. (с перерывами) полк был расквартирован на Смоленщине — сначала в

Гжатске, Вязьме и Сычевке (в каждом из этих городов стояло по батальону), а с 1882 г. — непосредственно в Смоленске (в Покровских казармах).

Торжественно встреченное в 1903 г. столетие полка, отмеченное выходом его «Краткой истории», тем не менее, не ознаменовалось созданием музея, несмотря на то, что юбилей предоставлял для этой цели исключительно удобный повод. Отдельные полковые реликвии — доска с именами погибших копорцев, батальонные знамена, а также шефское знамя, пожалованное Александром I в 1803 г., с 1818 г. хранившееся в С.-Петербургском Артиллерийском музее и возвращенное полку к юбилею, находились тогда в полковой церквиⁱⁱ.

Осознанное намерение организовать музей полка появилось лишь в конце 1910-х гг. и было связано с его новым командиром полковником Эдуардом Сигизмундовичем фон Вейлем (Georg-Eduard von Weil), назначенным на эту должность 17 января 1909 г.ⁱⁱⁱ В марте 1910 г. в «Русском инвалиде» было опубликовано обращение Э.С. Вейля ко всем служившим в Копорском полку или имевшим к нему то или иное отношение, с просьбой выслать находившиеся в их распоряжении материалы (фотографии, рукописи, записки, предметы) «из жизни и быта полка»^{iv}. Первым хранителем создававшегося музея стал полковник Рымашевский^v.

Напомним, что широкое распространение полковых (войсковых) музеев к началу 1910-х гг. повлекло стремление установить единые принципы их научной организации и методики обработки хранившихся и экспонировавшихся в них материалов. Вопрос о выработке Положения о войсковых музеях впервые был поставлен на состоявшемся в декабре 1912 г. в Москве предварительном

Всероссийском съезде музейных деятелей ^{vi}.

Проект такого Положения разработал Съезд хранителей полковых музеев частей войск Московского военного округа (МВО), проходивший с 20 по 26 апреля 1913 г. также в Москве ^{vii}. В первой половине 1914 г. собственный вариант проекта «Положения о войсковых музеях», включенный самостоятельным разделом в «Положение об офицерском собрании», и тогда же опубликованный для возможных замечаний, разработала особая комиссия императорского Русского Военно-исторического Общества (ИРВИО).

Принципиально проект ИРВИО, в котором была сформулирована основная задача подобных музеев — быть «могучим орудием в деле правильного воинского воспитания всех чинов части в духе беззаветной преданности Престолу и Родине» ^{viii}, не расходился с проектом Положения, разработанного Съездом хранителей полковых музеев МВО. Последнее на деле оказалось именно тем документом, которым успели воспользоваться хранители существовавших и организовывавшихся тогда полковых музеев, в том числе и музея Копорского полка.

9 апреля 1913 г. новым хранителем этого музея стал избранный общим собранием офицеров полка полковник в отставке Михаил Петрович Петров, вскоре принявший участие в работе упомянутого Съезда хранителей ^{ix}. В его обязанности, а также «всех чинов части» входило пополнение музея, представлявшего «хранилище регалий, реликвий и памятников, освещающих боевую и мирную жизнь части». Не исключено, что Петров согласно проекту Положения, выработанному Съездом, избрал себе помощника из числа офицеров полка. На этом же основании для работы в музее мог быть

откомандирован и «грамотный нижний чин».

Музей Копорского полка, как предписывали оба проекта, по всей видимости, размещался в полковом офицерском собрании. В качестве хранителя музея Петров непосредственно подчинялся командиру полка Вейлю. Деятельность хранителя регламентировалась специальной инструкцией, предписывавшей ведение всей учетной документации, насчитывавшей 14 типов учетных книг, в том числе приходо-расходную книгу, книгу поступлений, книгу посетителей, опись музея и т. д. Хранитель входил также в состав учрежденной в полку исторической комиссии, занимавшейся сбором материалов по его истории, ведением дневника текущей жизни, которые ежегодно должны были передаваться в музей.

Приняв от Рымашевского собрание музея, Петров стал осуществлять регистрацию уже имевшихся и вновь поступавших музейных предметов в соответствии с их классификацией, предложенной Съездом ^x. Основным источником комплектования музея являлось дарение. Вместе с тем отдельные вещи (образцы нумизматики и оружия) приобретались для музея путем закупки. По возможно неполным данным в 1913 г. в музее значилось всего около 250 предметов ^{xi}. Отсюда и довольно скромное собрание вещей, отражавших участие Копорского полка в войнах с наполеоновской Францией 1806-1807 гг., Отечественной войне 1812 г. и зарубежных походах 1813-1814 гг., ставших началом боевой истории этой части.

За храбрость, проявленную в боях 1807 г. и за осаду занятой французами крепости Данциг в 1813 г., 36 копорцев, представителей так называемых нижних чинов, были награждены знаками отличия Военного ордена. В перечисленных кампаниях только офицерский

состав полка понес безвозвратные потери в количестве 26 человек, среди которых был даже шеф полка генерал-майор Лаврентий Лаврентьевич Варнек, убитый 29 мая (10 июня по н. с.) 1807 г. в сражении под Гейльсбергом. Непосредственно же в 1812 г. в Лубинском сражении и Бородинской битве пало 7 офицеров-копорцев^{xii}. В числе других отличившихся тогда частей полку был пожалован так называемый «Поход за отличие 1812 года»^{xiii}. Вот почему организаторы музея с особым пиететом отнеслись к увековечению памяти об участии полка в войнах коалиции против Франции, а также в войне 1812г.

Однако 100-летний срок, отделивший упомянутые этапы боевого пути Копорского полка от времени создания его музея, оставил ничтожно малое число материальных свидетельств о непосредственной роли полка в военных событиях начала XIX в. В связи с этим организаторы полкового музея столкнулись с теми же трудностями, что и современные музейщики, ухитряющиеся порой открывать экспозиции, что называется, на пустом месте.

Единственной сохранившейся к моменту создания музея полковой реликвией, относившейся к указанному времени, являлось упомянутое шефское знамя, под которым копорцы сражались в 1806-1807 и 1812-1813 гг. Однако именно это знамя в музей так и не попало, а продолжало храниться в полковой церкви. В музее же имелась лишь фотокопия знамени. К подлинным вещам, свидетелям событий 100-летней давности, относилось главным образом оружие, найденное на местах боев с французами на Смоленщине и на Бородинском поле.

Подобное оружие поступало в музей в основном в качестве даров. Так гжатский уездный исправник Неклюдов подарил музею «два кремневых замка», «найденных по пути следования армии Наполеона в

местности при деревне Колесникове Гжатского уезда», смоленский мещанин слесарь Н.Л. Мозонов — «палаш с польской короной» и «картечь времен 1812 г.», пристав 3-й части г. Смоленска И.Ф. Алейников — саблю того же периода, а купец Г.П. Шлыков — пять штыков различной модификации. Некоторые предметы, составлявшие вооружение той поры, презентовали музею офицеры — от штабс-капитана А.М. Савельева поступил «кремневый пистолет 1814 г. с вензелем императора Александра I», а от поручика П.С. Цветкова — «картечная пуля, найденная на Бородинском поле». Там же были обнаружены приобретенные в музей за деньги граната и три картечи. Этим же путем в музей поступили найденные в Смоленске и его окрестностях ядро, три картечи и кремневый замок от солдатского ружья. Коллекцию вооружения дополнил сабельный клинок с изображением польского орла и надписью по-польски «Отчизна» и «Честь», источником появления которого в музее вновь стало Бородинское поле.

Наряду с оружием колорит эпохи до потомков доносили и столь несхожие между собой вещи как, например, полученная путем закупки обычная медная копейка, отчеканенная в 1812 г., или католическое распятие, подаренное музею 8-й ротой копорцев, нашедшей этот предмет во время прохождения сборов все на том же Бородинском поле. Особую ценность представляли вещи мемориального характера — султан с головного убора, принадлежавшего командиру Копорского полка в 1816-1824 гг. полковнику А.Б. Юлиусу, и его наградная медаль из серебра «В память Отечественной войны 1812 года», переданные музею родственниками последнего. Подобная медаль, но выполненная из светлой бронзы, поступила в музей от монахини Смоленского

Вознесенского монастыря матушки Сарры. В музее хранился и подаренный подполковником Н.Я. Мезиным жетон из аналогичного сплава, также изготовленный «В память Отечественной войны 1812 года».

Перечисленные предметы, очевидно, составляли наиболее ценную часть рассматриваемого нами собрания. Прочие вещи, тематически с ней неразрывно связанные, являлись намного более поздними или представляли собой копии.

Известно, что в 1912 г. было выпущено значительное число памятных медалей и жетонов, посвященных 100-летию Отечественной войны, некоторые из которых «по горячим следам» оказались и в музее Копорского полка. Так светлобронзовая медаль «В память 100-летнего юбилея войны 1812 года» была подарена музею писарем Ф.М. Касенюком, а два подобных алюминиевых жетона — поручиком П.С. Цветковым. Еще один жетон из алюминия, отчеканенный «В память пребывания на Бородине и в Москве Николая II в дни юбилейных торжеств Отечественной войны в 1912 г.», оказался даром штабс-капитана И.А. Контовта. Пополнение собрания памятной нумизматической продукцией продолжил, к сожалению, безымянный полковой казначей, передавший музею выпущенный в 1912 г. юбилейный серебряный рубль. Тогда же музей «обогатился» и неизвестно по чьей воле попавшей в него скромной медной монетой, достоинством всего в 1/2 копейки, не являвшейся юбилейной, но появившейся в юбилейный год.

В полковом музее символическое отражение получило участие копорцев в сражении под Смоленском. В собрании имелись подаренная купцом Г.П. Шлыковым модель памятника защитникам древнего

города 4-5 августа 1812 г., а также фотографический снимок этого монумента. Участие полка еще в одном сражении — Бородинском — было проиллюстрировано фотоснимком и проектом другого памятника, сооруженного в ограде Спасо-Бородинского монастыря на Бородинском поле полками 3-й пехотной дивизии. Этой дивизией, в состав которой в 1812 г. входил Копорский полк, в начале войны командовал генерал-лейтенант П.П. Коновницын, ставший впоследствии генералом от инфантерии и графом и являвшийся шефом копорцев.

К памяти шефов в Копорском полку как, впрочем, и в любой другой воинской части того времени относились с особым почтением. Однако в отличие от других шефов (например, саксонских королей Альберта I или Фридриха-Августа III) материалов о П.П. Коновнице в музее практически не было. Имелся лишь фотоснимок серебряного венка, возложенного полковой депутацией на могилу графа^{xiv}. Известно, что летом 1913 г. «коллекцию портретов» прославленного героя Отечественной войны предлагал прислать из Москвы некто С.П. Голубков. Думается, это предложение было принято, так как в соответствующем отделе музея в указанное время не имелось ни одного изображения П.П. Коновницына. Хотя с потомками последнего командиром полка Э.С. Вейлем велась переписка^{xv}.

Довершали музейное собрание акварель «Рядовой мушкетер Копорского полка в 1812 г.», да две гравюры, на одной из которых был запечатлен вид Малоярославецкого Николаевского монастыря, а на другой — лик Спасителя над воротами Черноостровского монастыря, также расположенного в Малоярославце. Данный монастырь в 1812 г. был занят французами, откуда они, как свидетельствует подпись под

гравюрой, «были обращены Кутузовым в бегство»^{xvi}.

Работа по комплектованию музейного собрания в том числе и материалами, освещавшими участие полка в войнах с наполеоновской Францией, продолжалась вплоть до лета 1914 г. Однако не всегда усилия хранителя в собирательской деятельности увенчивались успехом. Так, например, не удалось найти изображение полковника Сергея Борисовича Островского, являвшегося в 1813-1814 гг. шефом копорцев, а также получить из Главного Артиллерийского склада столь необходимые образцы оружия, «начиная с 1803 г.». Тем не менее, на основе имевшихся материалов с октября 1913 по февраль 1914 гг. в музее создавалась экспозиция, для которой в этот период в полковой мастерской были изготовлены застекленные витрины. Однако о посещаемости музея сведений нет.

Интересно, что по аналогии с современными музеями в музее Копорского полка попытались наладить продажу сувениров. В качестве такой продукции использовались полученные в феврале

1914 г. из Москвы от секретаря особого комитета по устройству музея 1812 года открытки с изображением памятника 3-й пехотной дивизии генерала П.П. Коновницына на Бородинском поле. По распоряжению Э.С. Вейля из трехсот открыток сто экземпляров были направлены в солдатскую лавку, а оставшиеся двести карточек поступили в музей для продажи «желающим посетителям (с прибылью)». Полученную выручку Э.С. Вейль приказал перечислить музею^{xvii}.

В 1914 г. с началом войны Копорский полк вместе с Невским, Софийским и Нарвским полками 1-й пехотной дивизии оказался в составе 2-й армии генерала А.В. Самсонова, разгромленной в середине

августа 1914 г. у Мазурских озер во время неудавшейся Восточно-Прусской операции. В 1918 г. все указанные полки подобно другим частям русской армии были расформированы.

Музей Копорского полка на основании Положения, разработанного Съездом хранителей, предписывавшего последним в период войны изыскивать «средство для сохранения собираемых предметов»^{xviii}, был эвакуирован в подмосковную Коломну, где после 1917 г. находился на попечении местного Совета^{xix}. В 1918 г. его материалы заочно поступили в ведение Смоленского губернского комиссариата просвещения (впоследствии отдела народного образования Западной области)^{xx}.

С началом реализации замысла по созданию в Москве Военно-исторического музея приказом Реввоенсовета от 13 мая 1919 г. военные музеи старой армии поступили в ведение Наркомпроса. В их числе оказался и музей Копорского полка^{xxi}, влившийся затем в состав Военно-исторического музея, который, в свою очередь, в конце 1920-х гг. был передан Государственному Историческому музею.

Таким образом, в связи с тем, что командование Копорского полка «озаботилось» созданием своего музея слишком поздно, то и музейное собрание в итоге оказалось весьма незначительным. Анализ лишь части его показал, что даже самые яркие страницы полковой истории — участие в сражении под Смоленском и в Бородинской битве — были проиллюстрированы отнюдь не первоклассными вещами. Несмотря на славное боевое прошлое полка, в собрании музея практически отсутствовали полковые реликвии, вместо которых экспонировались копии. Данное обстоятельство указывает на то, что вплоть до начала Первой мировой войны этот музей все еще пребывал в стадии

организации. Кроме того, рассмотренный пример позволяет предположить, что вопреки установившемуся мнению о богатстве полковых музеев, в некоторых из них, созданных в полках, подобных Копорскому, военная история частей все-таки не получила адекватного предметного отражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Разгон А.М.* Очерк истории военных музеев в России (1861-1917) // Труды НИИ музееведения. М., 1962. Вып. VII. С. 119.

ⁱⁱ *Мартынов А.И.* Краткая история 4-го пехотного Копорского бывшего его величества короля Саксонского полка. 1803-1903. СПб., 1903. С. 1, 2, 217, 218, 256, 258, 260, 261, 270, 287, 288, 292, 298.

ⁱⁱⁱ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 137. Д. 761. Л. 85-87; *Соколовский М.К.* Памятка 4-го пехотного Копорского полка. СПб., 1912. С. 47.

^{iv} Русский инвалид. 1910. 10 марта.

^v ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 761. Л. 3.

^{vi} *Разгон А.М.* Указ. соч. С. 188, 189.

^{vii} Съезд хранителей полковых музеев частей войск Московского военного округа. СПб., 1913.

^{viii} Проект положения о войсковых музеях // Журнал императорского Русского Военно-исторического общества. 1914. № 4-5. С. 299, 300.

^{ix} ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 761. Л. 3, 97.

^x Съезд хранителей полковых музеев... С. 6, 7, 9-14, 17-21.

^{xi} По подсчетам автора. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 762.

^{xii} *Мартынов А.И.* Указ. соч. С. 287, 288, 304, 305.

^{xiii} *Керсновский А.А.* История русской армии: В 4-х томах. М, 1992. Т. 1. С. 289.

^{xiv} ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 762. Л. 2, 9, 14, 15, 26, 30, 31, 37, 43, 51-56, 63.

^{xv} Там же. Д. 761. Л. 5-8, 27, 28.

^{xvi} Там же. Д. 762. Л. 9, 23, 59.

^{xvii} Там же. Д. 761. Л. 43, 119, 124, 130.

^{xviii} Съезд хранителей полковых музеев... С. 12.

^{xix} ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 3. Л. 82.

^{xx} Журнал отдела народного образования Западной области. 1918. №7-8. С. 74.

^{xxi} ОПИ ГИМ. Ф. 137. Обзор материалов фонда. С. 5.